Д.Т. Жовтун

МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КАТЕГОРИЙ «ПРОШЛОЕ», «НАСТОЯЩЕЕ», «БУДУЩЕЕ»

История может быть понята и осмыслена только в том случае, если она в действительности представляет собой некую целостность, направленность, если в ней содержится определенный смысл. Если же история воспринимается как хаотическое нагромождение не связанных между собой случайных событий, то историческое познание на основе определенной методологии становится невозможным. Поэтому, приступая к познанию истории, мы всегда исходим из априорно принятого нами убеждения, что это познание возможно, а предпосылкой такого убеждения является наше видение и определение истории как процесса, т. е. некоей целостности и направленности. Другими словами, самоочевидной предпосылкой познания истории является то, что она образует единство. Здесь процесс познания совершается аналогично тому, как происходит полное понимание слова лишь исходя из предложения в целом, или понимания предложения только исходя из взаимосвязи цельного текста и даже всего литературного наследия.

Целостное восприятие исторического процесса при наших попытках его осмыслить возможно, благодаря категориальной связке, «категориальному кусту» понятий: ***прошлое, настоящее, будущее***, которая отражает преемственность событий, фактов прошлого, настоящего и образов будущего. Прошлое объективно существует в настоящем, которое переходит в будущее. Один из крупнейших западных философов XX в. А. Уайтхед, исследовавший проблемы философии процесса, писал: «Отбросьте будущее – и настоящее опустошится и разрушится. Непосредственное существование требует заполнения трещин настоящего будущим»[1].

О прошлом мы знаем намного больше, чем можем осмыслить, осознать. Настоящее – это процесс; о нем можно говорить что угодно и кому угодно. Будущее же, в отмеченной смысловой связке, пока не схвачено в научном понятии. Понятие будущего

[1] *Уайтхед А.Н.* Избранные работы по философии. М., 1990. С. 593.

еще недостаточно осмысленно в философии и социологии, ему пока не нашлось места в категориально-понятийном аппарате этих наук. Социально-гуманитарные теории не пронизаны интенцией будущего под тем предлогом, что это понятие охватывается категорией времени. Оно отдано на откуп литераторам, фантастам, мистикам и разного рода шарлатанам. Между тем понятие «будущее», особенно в области социально-гуманитарного познания, заключает в себе мощные гносеологические интенции.

Идея эволюции и основанные на ней теории стимулировали и активизировали интерес к понятию «будущее». Современной философии и социологии понятно, что прошлое, настоящее и будущее целостно – это непрерывный континиум; настоящее всегда коренится в прошлом и чревато будущим.

С философской точки зрения, в методологии предвидения будущего центральной проблемой является диалектика устойчивого и изменяющегося. Познающий субъект, пытающийся предвидеть будущее, сталкивается с противоречием, которое заключается в следующем: для предсказания будущего события мы опираемся на устойчивые законы. Мы должны формализовать процесс, выразить его в логике понятий, что, в то же время, есть омертвление этого процесса. Закон обладает предсказательной силой, когда речь идет о глобальных процессах, но он мало что дает для предвидения частных явлений.

Единство, целостность истории формируется на основе преемственных связей. Преемственность – это сущность истории, поскольку история, в отличие от природы, включает в себя момент времени. Преемственность в истории является условием существования самой истории. Многообразия фактов, событий, индивидуальных существований становятся историческими только благодаря тому, что они участвуют во всеобщем движении, в едином процессе. Только будучи опосредованными этим единством, этой универсальной связью и преемственностью факты, события, индивидуальные действия достигают значения исторической действительности.

Но существует ли всестороннее рассмотрение истории? Не вынужден ли историк любого времени видеть и истолковывать прошлое всякий раз, имея свой горизонт? Ведь всякое знание обусловлено теми обстоятельствами, при которых мы их получаем.

Само понимание истории, ее трактовка является историческим. Мы не можем выйти из нашей истории и из нашего времени

и рассмотреть само по себе прошлое из абсолютной позиции. Вопрос об истинности, научности видения истории заходит дальше, чем проблема полноты, исторической корректности и аккуратности в использовании источников – он связан и с вопросом нашего местоположения в истории и обусловленного им отношения к ее событиям.

Преодоление зависимости исторического познания от исторических координат, в которых находится познающий субъект, возможно только на уровне философской рефлексии, философского абстрагирования при осмыслении исторического процесса. Философ, в отличие от других категорий исследователей, не должен принадлежать к одному историческому времени, одной стране, одной эпохе. Одной из особенностей философского мышления является способность подняться над историческим временем, охватить исторический процесс в его целостности, во всем его объеме, но при этом, в силу абстрактности получаемой картины, неизбежно теряя конкретность, содержательное богатство нюансов отдельных событий.

Ради получения общей картины истории, постижения ее смысла можно пожертвовать конкретно-историческим материалом, изобилие которого не всегда полезно и важно. Сегодня при обосновании растущего интереса к историческому знанию в современной России преобладает тезис, что без знания прошлого мы не сможем понять настоящего и правильно определить пути в будущее. Отсюда всевозможные исторические реминисценции при разработке и обосновании различного рода экономических и политических программ по реформированию России. Но не слишком ли мы уповаем на целительные свойства истории в поисках своего пути на неизведанных пространствах будущего? Возможно, мы «перекормлены» историей? И одной из причин переживаемого нами кризиса в методологии исторического познания, может быть, является «избыток истории», (понятие, используемое Ф. Ницше в работе «О пользе и вреде истории для жизни»).

По мнению Ницше, существует такая степень развития исторического чувства, которая влечет за собой большой ущерб для всего живого, которая, в конце концов, может привести к гибели, будь это отдельный человек, народ или культура. Избытком истории нарушаются инстинкты народа, подрываются его жизненные силы. Здесь Ф. Ницше проводит мысль, имеющую для обсуждения нашей проблемы глубокий смысл. Она состоит в том, что

способность забывать, отсекать ненужное, отягощающее движение, тоже важна, чтобы не перегружаться историческим опытом. Он слишком тяжелый и не все могут его вынести и усвоить. История – это далеко не чистая река, в ее бурном потоке есть все: светлое и темное, разумное и неразумное, доброе и злое. Как в наших реальных реках можно обнаружить всю таблицу Менделеева как результат хозяйственной деятельности человека, так и в реке истории намешано всего – и полезного для развития человека, и губительно воздействующего на него. Поэтому, изучая историю, извлекая из нее знания и опыт, полезный для решения возникающих перед человеком задач в настоящем, следует видеть и те зловонные испарения, которые темными и удушливыми облаками клубятся над прошлым, отравляя настоящее, сознание тех, кто пытается постичь его и прокладывать пути в будущее.

Сложившиеся на сегодняшний день формы исторического познания сводятся в основном к рационализации истории в знании. Происходит как бы рафинирование истории, вытягивание из ее полотна только одной нити, а иногда и одного цвета, что создает иллюзорное сознание, приводит к «нечистой рефлексии» (Ж.П. Сартр). В результате у отдельных индивидов, наций, народов, культур при попытках самопознания и определения ориентиров своего дальнейшего движения возникают искаженные представления, которые, в свою очередь, обусловливают появление доктрин и программ, слабо привязанных к действительности.

Следовательно, и избыток истории, и ее сужение, редуцирование до определенных теоретических схем, в равной мере мало приемлемы для жизненного роста того или иного народа. То преимущество, которое получили Соединенные Штаты Америки сегодня, в результате происшедших изменений в глобальном соотношении экономических и политических сил, говорит о том, что побеждает не обязательно тот, у кого есть многовековая история, древние культурные и духовные традиции. «Победителем» в историческом соревновании оказались США, которые по сравнению с тысячелетней историей России не имеют истории. Поэтому напрашивается вывод, что решающим фактором в историческом соревновании на пути социального прогресса является не связанность с конкретным историческим опытом, традициями той или иной нации или государства, не отягощенность исторической рефлексией по поводу своей судьбы, а постоянная устремленность в будущее.

В поисках Россией новой модели общественного развития весьма полезной, на мой взгляд, является критическая мысль А. Тойнби об «образах жизни», определяемых им как «архаизм» и «футуризм». Ни одна из этих форм не является устойчивой, жизненной. Поражение той и другой обусловлено, по мнению Тойнби, одной и той же ошибкой: они обе обречены из-за попытки «уйти из настоящего». По этому поводу он остроумно замечает, что у человека не больше шансов вырваться из настоящего, чем у рыбы выпрыгнуть из воды и взмыть в небо. А именно такой попыткой является архаизм, настраивающий народ, нацию совершить прыжок в прошлое (это характерно для тех идеологов и политических деятелей, которые излишне идеализируют прошлое России, преувеличивают ее экономические и культурные достижения в дооктябрьский период).

Но таким же недостатком – выпрыгнуть из настоящего – страдает и футуризм, только здесь прыжок направлен в будущее. Что же касается истории России, то здесь футуризм проявился в попытке построить общество по заранее сконструированной схеме, каковой является любая теоретическая система или учение, начиная с идеального государства Платона и кончая теорией коммунистического или капиталистического строительства.

Я далек от недооценки или отрицания роли лучших достижений человечества, воспроизведение которых в виде общепризнанных стандартов уже хорошо послужили и до сих пор служат не одному поколению людей. Но за всяким содержанием надо стремиться обнаруживать неустранимую двойственность, противоречивость. При всей мудрости формул, стандартов следует иметь в виду и то, что они заставляют человека подражать, оглядываться назад и в какой-то мере ограничивать свободу своих действий.

Те исторические народы, которые в тот или иной период истории пережили расцвет, экономическое, политическое могущество, всплески в развитии культуры (и достижениям этих народов мы стремимся до сих пор подражать, будь то Древняя Греция, или Англия XVIII – XIX вв., или США) никогда не оглядывались в прошлое. Они были поразительно неисторичны и отличались особой страстью к приключениям, постоянно стремились к новому. Социально-экономическое, политическое и духовное могущество, как правило, наблюдалось там, где удавалось соединить энергию народа или нации с духом эпохи, питаемым объективными законами исторического развития.

Теоретические конструкции, сколь бы безупречными они ни были, не могут определять ход исторического развития, хотя определенное их влияние наряду с другими факторами здесь надо признать. При рассмотрении этой проблемы К. Поппер употребил понятие «Эдипов эффект», выражающее взаимосвязь предсказания и предсказываемого события. Согласно известному произведению Софокла, Эдип убивает своего отца, что было прямым результатом пророчества, которое, собственно, и побудило отца оставить малолетнего сына. Поппер считает, что «Эдипов эффект» можно трактовать шире – как влияние информации на ситуацию, к которой эта информация относится.

Такое явление, действительно, имеет место в жизни общества, и его весьма результативно используют различные экономические структуры в конкурентной борьбе, а политические силы в политической, публично высказывая некоторые прогнозы по интересующим их явлениям, как бы обрисовывая возможные сценарии развития тех или иных экономических или политических процессов, событий, которые в силу действия «Эдипова эффекта», хотя и не в чистом виде, но срабатывают, принося желаемые для данных субъектов результаты. Например, прогнозы и сценарии развития событий в «горячих точках» на территории бывшего СССР, распространявшиеся с помощью средств массовой информации некоторыми социологами, политологами и политическими и государственными деятелями по поводу этнополитических конфликтов, сыграли подстрекательскую, провокационную роль даже независимо от того, осознает это непосредственный автор прогноза или нет. Еще более убедительным примером этого являются заказные экзит пул в ходе современных выборных кампаний.

Подводя некоторые итоги, отметим, что в историческом познании многое зависит от способа группировки событий, от принципов, положенных в основу этой группировки. Общей функцией, присущей любой группе реальных событий, является взаимная имманентность. Способность историка обнаружить имманентность между фактами, событиями, действиями исторических субъектов – важное условие исторического познания. Она, собственно, и определяет изображаемые картины исторических эпох или цивилизаций с различными типами порядка. Отсутствие взаимной имманентности между историческими событиями приводит к эффекту «избытка истории», отрицательно сказывающемуся на формировании подлин-

но научного исторического знания народа и его самочувствия как реального исторического субъекта, решающего проблему выбора путей своего дальнейшего развития и тем более – выхода из глубокого кризиса.

Историческое знание, выступающее в виде обилия исторического материала, сгруппированного без учета имманентных связей между событиями, подталкивает общественное сознание, специализированные группы интеллектуалов, занимающихся разработкой экономических и политических программ, на путь исторических аналогий, на поиск неких образцов как в своем прошлом, так и в опыте других стран, что в конечном итоге означает попытку рационализировать творческий процесс, втиснуть его в определенные логические рамки, т. е. выхолостить из него сам дух творчества и свободы исторического действия, без которого качественный прорыв в будущее невозможен.

Но «избыток истории» играет и положительную роль в формировании развивающейся исторической науки, адекватной современным потребностям. За этим понятием скрывается высокой степени историческая чуткость к самобытности, оригинальности, своеобразию каждой из исторических эпох, чего так не достает оптимистически-просветительскому рационализму, возобладавшему в историческом познании. «Избыток истории» ведет к возникновению и усилению различного рода релятивистских настроений среди исследователей исторического процесса, к прагматизации исторического знания, а в конечном счете – к скептицизму относительно возможности достижения объективной истины в этом виде познания. Появились школы и течения, которые истинность результатов исторических исследований стали напрямую связывать со временем и обстоятельствами, с характером современных социальных проблем, с проводимыми социальными реформами. В историке стали видеть прежде всего социального реформатора, а не ученого, а в истории – не науку, а эффективное средство практических (чаще – идеологических, политических) проблем. История стала поставщиком риторических аргументов, которыми можно обосновывать и оправдывать самые различные вещи: новую государственность, очередной правовой кодекс, религию и т. д. Для консерваторов, например, историческое является источником законности, а для революционеров история поставляет непогрешимые интенции и директивы к действию по преобразованию общества.

Очень часто аргументом в пользу невозможности достижения истинного и объективного знания в истории является ссылка на активную роль исследователя в познавательном процессе, которая проявляется в селекции источников и фактов, структурализации фактов и их интерпретации. И действительно, момент относительности в историческом знании очень силен. Дело в том, что само понятие факта – этого субстрата исторического – весьма относительно. Что такое исторический факт? Это всегда утверждение о событии, а не само событие. Но разные исследователи могут делать различные утверждения относительно одного и того же события. События оказываются источником разных фактов. Например, такое крупное историческое событие как в октябре 1917 г. в России – что это было? Одни утверждают, что это великая революция, другие – обыкновенный переворот, осуществленный большевиками-заговорщиками. Или что происходило в 1921 г. в Кронштадте или в Тамбовской губернии – контрреволюционный мятеж или восстание народа? Типичный подход в историческом исследовании заключается в том, что сначала создается концепция, затем отбираются факты, организованные в соответствии с концепцией. (Почти по Гегелю: «…если факты не соответствую теории, то тем хуже для фактов».)

Делая выбор между различными концепциями, интерпретационными моделями, исследователь постоянно оказывается перед потенциальной опасностью субъективизма, на каждом этапе перенося в центр внимания те или иные факты, извлекая их из кладовой истории по мере надобности.

Субъективизм и относительность исторического знания четко подметил русский философ С. Булгаков. Он писал: «История оживает для нас в той мере, в какой мы можем перевести ее язык на свои переживания, воскресить ее мертвые письмена, превратить ее в орудие самопознания. От того при каждом повороте истории, при каждой перемене исторического освещения несколько изменяется вся историческая перспектива, распределение тени и света»[1].

Отступление, уход от сугубо рациональных схем в трактовке истории позволяет схватить многомерность, многосложность, полифоничность исторического бытия. «Избыток истории» разрушает любую теоретическую конструкцию. Мощного натиска новых исторических фактов, которые вовлекаются в исследование, не

[1] *Булгаков С.* Два града. Т. 2. Исследование о природе общественных идеалов. М., 1911. С.1.

выдерживает ни одна схема. Такое разрушение моноцентризма в трактовке истории звучит сегодня особенно актуально, соразмерно настроениям и устремлениям времени, выдвигающего идею правомерности, равнозначности различных образов жизни. Этим как раз, на мой взгляд, и объясняется повышенный интерес к истории в современной России, находящейся на историческом перепутье в положении известного витязя перед камнем с надписью: «Налево пойдешь... Направо пойдешь... Прямо пойдешь...».

Но в то же время российская история, пленяя своей многомерностью, пестротой событий, увлекая остротой восприятия материала, в какой-то мере все же расхолаживает познающий разум, деморализует субъекта исторического действия своим релятивизмом, не оставляющим идейных стимулов для противостояния многочисленным негативным интенциям современной цивилизации, преодоление которых требует творческого порыва, устремленности в будущее. Судя по исторической ситуации, в которую «загнало» себя человечество (имеются в виду глобальные экономические, энергетические, экологические, духовные проблемы), Россия с ее человеческими, природными и духовными ресурсами имеет уникальный исторический шанс стать в авангарде исторического прогресса.